

Е. И. Самородницкая

ORCID: 0000-0003-1334-6150

✉ samorodnitskaya-ei@ranepa.ru

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

«РОМАН АНГЛИЙСКОЙ ГУВЕРНАНТКИ»: КАК МЕНЯЕТСЯ РОМАН Ш. БРОНТЕ «ДЖЕЙН ЭЙР» В ПЕРЕВОДЕ И. И. ВВЕДЕНСКОГО

Аннотация. Несмотря на то что русская рецепция «Джейн Эйр» Ш. Бронте, как и в целом переводческая деятельность И. И. Введенского, уже становились объектом исследования, целостный и системный анализ перевода 1849 г. в контексте русской рецепции викторианского романа еще не изучались специально. В статье предпринимается попытка проанализировать «вольности» в переводе романа, из которых наиболее значимыми представляются пропуски фрагментов текста, содержащих религиозные мотивы. Автор статьи предполагает, что подобные пропуски могут быть обусловлены как внелитературными факторами (запретом на упоминание западного христианства), так и формирующейся литературной парадигмой «прогрессивного» реалистического романа. Перевод Введенского в 1849 г. задал рамку восприятия романа Бронте, от которого остались сюжет, действие и уникальная героиня; философско-религиозная проблематика романа уходит на второй план или вовсе нивелируется. Это упрощенный роман Ш. Бронте; но даже в таком варианте он производит впечатление на читательскую аудиторию как в XIX, так и в XX в., так как купюры религиозного характера сохраняются и в выполненном в советское время переводе В. О. Станевич (1950).

Ключевые слова: Ш. Бронте, «Джейн Эйр», И. И. Введенский, перевод, английская литература, викторианский роман, женская проза

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Самородницкая Е. И. «Роман английской гувернантки»: как меняется роман Ш. Бронте «Джейн Эйр» в переводе И. И. Введенского // Шаги/Steps. Т. 8. № 2. 2022. С. 267–279. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-2-267-279>.

*Статья поступила в редакцию 6 декабря 2021 г.
Принято к печати 28 февраля 2022 г.*

E. I. Samorodnitskaya

ORCID: 0000-0003-1334-6150

✉ samorodnitskaya-ei@ranepa.ru

The Russian Presidential Academy

of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow)

“A NOVEL BY AN ENGLISH GOVERNESS”: HOW I. I. VVEDENSKY’S TRANSLATION ALTERED CH. BRONTË’S NOVEL *JANE EYRE*

Abstract. Even though the Russian reception of Ch. Brontë’s novel *Jane Eyre*, as well as I. I. Vvedensky’s translation activity, have been the object of research more than once, a systematic analysis of the 1849 translation in the context of Russian reception of the Victorian novel has not yet become the subject of special study. The article attempts to analyze the “liberties” in the translation of the novel, which include both domestication, characteristic for its time, and omissions of passages that contain religious motifs. The author of the article suggests that such omissions may be due to both extra-literary factors, in particular, an indirect ban on mentioning Western Christianity of any confession, in any context, and the emerging literary paradigm of the “progressive” realistic novel, for which religious issues are irrelevant. Vvedensky’s translation in 1849 set the frame for perception of Brontë’s novel, which retained the plot, action, attention to the narrated story and the unique heroine. The philosophical-religious, anti-ideological problems raised in the novel faded into the background or were entirely neutralized. This is a watered down novel by Ch. Brontë; yet even in such an abbreviated version it made an impression on the reader both in the 19th and in the 20th centuries, because omissions of religious matters, albeit for other ideological reasons, are preserved in V. O. Stanevich’s translation made in the Soviet period (1950).

Keywords: Ch. Brontë, *Jane Eyre*, I. I. Vvedensky, translation, English literature, Victorian novel, female prose

Acknowledgements. The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme.

To cite this article: Samorodnitskaya, E. I. (2022). “A novel by an English governess”: How I. I. Vvedensky’s translation altered Ch. Brontë’s novel *Jane Eyre*. *Shagi / Steps*, 8(2), 267–279. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-2-267-279>.

Received December 6, 2021

Accepted February 28, 2022

© E. I. SAMORODNITSKAYA

Роману Ш. Бронте «Джейн Эйр» повезло со вниманием русского читателя: известно шесть переводов и три перевода-пересказа [Ямалова 2012: 41]. Однако, на наш взгляд, наиболее значимыми стоит считать три перевода: первый максимально полный перевод (1849) принадлежит И. И. Введенскому; второй, выполненный В. О. Станевич и опубликованный в 1950 г., стал основным источником знакомства с романом для советского читателя (и не только для советского: в «Библиотеке Мошкова» именно он представлен в качестве современного перевода романа); наконец, третий — перевод И. Г. Гуровой (1990) — самая полная версия романа. Два новейших перевода, созданных в XX в., обыкновенно противопоставляются друг другу как полный перевод и перевод с купюрами идеологического происхождения: у Станевич по очевидным причинам опущены либо минимизированы упоминания христианской тематики. Только ознакомившись с «Джейн Эйр» в версии Гуровой, русский читатель мог обнаружить, что перед ним не просто история Золушки, но роман с глубокой религиозной проблематикой.

Однако истоки подобной переводческой правки, как ни странно, обнаруживаются в предыдущем столетии в переводе Введенского. Проанализировав его, мы, возможно, сможем ответить на вопрос, какой образ романа Бронте складывается в русской версии 1849 г. и как он повлиял на дальнейшую рецепцию «Джейн Эйр».

Имя И. И. Введенского давно и прочно вписано в отечественную историю перевода, и его роль в формировании образа викторианского романа трудно переоценить. Проанализированная Ю. Д. Левиным [1982] полемика о переводческих принципах Введенского (к каковым относятся стремление передать дух подлинника, приобщить русского читателя к чужой культуре и ради этого сделать викторианских авторов понятными и узнаваемыми, что в свою очередь приводило к доместикации, на сегодняшний день кажущейся излишней) свидетельствует о том, что и в XX в. сохранялись разнообразные их оценки: как отрицательные («Введенский не переводил “Записки”, а пересказывал (...), не оставив в “Записках” почти ни одного диккенсовского синтаксического хода и заменив его фразеологию причудливой смесью из гоголевских “черевишков” и охтенских идиотизмов» [Ланн 1939: 157]), так и положительные («...перевод Введенского прожил почти столетие и живет по сейчас» [Кашкин 1936: 213]). Оба примера характеризуют перевод «Записок Пиквикского клуба». Первый подход скорее присущ советским переводчикам XX в., которые рассматривали переводческую продукцию XIX в. как неудовлетворительную, и буквалистская позиция Ланна — всего лишь частный случай подобного неприятия. Второй подход менее характерен для XX в. и, по-видимому, говорит об исключительности фигуры Введенского.

Феномен Введенского-переводчика трудно назвать неизученным: им занимались и в советское, и в постсоветское время [Алексеев 1962; Левин 1982; Ануфриева 2009; Сыскина 2012а; Костионова 2015; Ланчиков, Мешалкина 2019]. Однако большая часть исследований посвящена либо Введенскому — переводчику Диккенса и реже Теккерея, либо отдельным аспектам его переводческой манеры. Между тем в контексте изучения русской рецепции викторианского романа нас интересует следующий вопрос: действительно ли Введенский, переводя роман «Джейн Эйр» (1847; русский перевод опубликован

в 1849 г.), отнесся к этому тексту более вольно, чем к произведениям признанных мэтров английской литературы? Если да, то в чем это выразилось? Какой образ романа и его главной героини формируется в переводе Введенского? Можно ли утверждать, что бóльшая, чем всегда, вольность Введенского обусловлена гендерным фактором? Как утверждал сам переводчик,

Роман «Дженни Эйр», действительно, не переведен, а переделан мною, и это я готов теперь объявить, по секрету, одним только ученым редакторам «литературного журнала». Стараясь по мере сил воспроизводить как можно вернее Диккенса и Теккерея, которых люблю и уважаю от всего моего сердца, я в то же время считал для себя совершенно позволительным не церемониться с английской гувернанткой (написавшей роман «Дженни...», извините, «Джен Эйр», под псевдонимом Коррер-Белль), которой, говоря по секрету, я вовсе не люблю и не уважаю [Введенский 1851: 75].

Вольностей в переводе Введенского не так уж и много (не больше, чем было принято в рассматриваемую эпоху), и их можно классифицировать следующим образом.

Наиболее очевидная вещь — доместикация (русификация). Введенский не только привычно переименовывает Джона и Мэри в Ивана и Марью, но и включает в переводной текст аллюзии на русскую литературу (пример 1)¹; похожий пример отмечают в своем исследовании В. К. Ланчиков и Е. Н. Мешалкина [2019: 30].

Пример 1

«Jane Eyre»	Перевод Введенского
She made a signal to me to approach; I did so, and she introduced me to the <i>stony stranger</i> with the words: “This is the little girl respecting whom I applied to you” [Brontë 2014].	По сделанному знаку я подошла к ней, и она, рекомендуя меня <i>каменному гостю</i> , сказала: — Вот девочка, о которой я к вам писала [Белль 1849 (64): 197].

В русле русификации можно рассматривать и использование переводчиком идиом: иногда он не понимает их смысла и переводит буквально (пример 2); иногда добавляет в текст перевода русскую идиому там, где в оригинале ее нет (пример 3).

¹ Нам не удалось установить, каким именно изданием романа мог пользоваться переводчик, поэтому в настоящей статье роман Бронте цитируется по изданию Ignatius Press [Brontë 2014].

В примерах курсивом маркируются случаи несоответствия между оригиналом и переводом, в том числе фрагменты оригинала, пропущенные в переводном тексте.

Пример 2

«Jane Eyre»	Перевод Введенского
Miss Eyre, you are not so unsophisticated as Adèle: she demands a 'cadeau,' clamorously, the moment she sees me: <i>you beat about the bush</i> [Brontë 2014].	О, вы далеко не так-простодушны, как Адель: она требует себе подарка настоятельным тоном, лишь-только успеет свидетельствовать со мной; а вы, мисс Эйр, <i>скрываетесь за кустом</i> [Белль 1849 (65): 95].

Пример 3

«Jane Eyre»	Перевод Введенского
“He asked me to marry him.” “ <i>That is a fiction—an impudent invention to vex me.</i> ” [Brontë 2014]	— Он просил моей руки. — Ну, ты <i>уж начинаешь, кажется, пули лить</i> , мой друг: разве тебе приятно меня мучить? [Белль 1849 (66): 321].

В переводе встречаются пропуски, которые можно объяснить как требованиями цензуры, так и соображениями самоцензуры. Прежде всего это касается Адели, воспитанницы Рочестера и дочери его французской любовницы, а также его отношений с другими женщинами (примеры 4, 5). В первом случае переводчик убирает из рассказа Рочестера излишние подробности; во втором оставляет упоминание о матери Адели (Адель — значимый персонаж в романе, и мы с ней уже знакомы), но выбрасывает упоминания о других любовницах Рочестера, по-видимому, из соображений приличия. В данном случае переводчик выступает бóльшим викторианцем и моралистом, чем автор романа.

Пример 4

«Jane Eyre»	Перевод Введенского
Mrs. Fairfax found you to train it; <i>but now you know that it is the illegitimate offspring of a French opera-girl</i> , you will perhaps think differently of your post and protégée [Brontë 2014].	Мистрисс Ферфакс вверила вам образование моей воспитанницы; <i>но вы знаете теперь, кто она</i> — и, вероятно, получите совсем-другую идею о своих педагогических обязанностях [Белль 1849 (65): 120].

Пример 5

«Jane Eyre»	Перевод Введенского
The first I chose was Céline Varens—another of those steps which make a man spurn himself when he recalls them. You already know what she was, and how my liaison with her terminated. <i>She had two successors: an Italian, Giacinta, and a German, Clara; both considered singularly handsome</i> [Brontë 2014].	Первый мой выбор пал на Целину Варенс, и эта связь впоследствии сделалась для меня новым источником презрения к самому себе: ты уже знаешь, как и чем кончились мои отношения к этой танцовщице... [Белль 1849 (66): 120].

Таким же образом, соображениями цензуры либо самоцензуры, можно объяснить выпущенное при переводе упоминание о Карле I (пример 6). Если рассуждать логически, подобная перестраховка кажется избыточной: ведь Хелен Бернс говорит о казненном короле проникновенно и сочувственно; однако, по-видимому, цензура времен «мрачного семилетия» могла посчитать иначе или просто остерегаться упоминания царевубийства в каком бы то ни было оценочном контексте.

Пример 6

«Jane Eyre»	Перевод Введенского
“Yet how well you replied this afternoon.” “It was mere chance; the subject on which we had been reading had interested me. <i>This afternoon, instead of dreaming of Deepden, I was wondering how a man who wished to do right could act so unjustly and unwisely as Charles the First sometimes did; and I thought what a pity it was that, with his integrity and conscientiousness, he could see no farther than the prerogatives of the crown. If he had but been able to look to a distance, and see how what they call the spirit of the age was tending! Still, I like Charles—I respect him—I pity him, poor murdered king! Yes, his enemies were the worst: they shed blood they had no right to shed. How dared they kill him!</i>” Helen was talking to herself now: she had forgotten I could not very well understand her—that I was ignorant, or nearly so, of the subject she discussed [Brontë 2014].	— Но сегодня вы отвечали прекрасно, лучше всех девиц вашего класса! — Это был случай: меня заинтересовал предмет, о котором читали. И Елена начала рассказывать множество исторических подробностей, не обращая внимания на то, что мне нельзя было ее понять [Белль 1849 (64): 219].

Помимо политического контекста еще одним объяснением подобного рода купюр может быть стремление переводчика принизить героинь романа, показать их неспособными на серьезные рассуждения и на интеллектуальную деятельность как таковую.

Еще одна интересная трансформация (если уместно употребить подобный термин): перевод обращения к читателю *reader* как «читательница». Понятно, что на языке оригинала слово *reader* гендерно не окрашено; однако переводя его феминитивом, Введенский словно выражает уверенность, что история английской гувернантки, не будучи литературой первого ряда, может быть интересна только женщинам.

И, наконец, переводческие купюры, на которые исследователи чаще всего обращают внимание и которым до сих пор не было предложено удовлетворительного объяснения, связанные с религиозной тематикой. Их в переводе Введенского чрезвычайно много, они самые частотные, поэто-

му приведем лишь несколько примеров. Самый яркий — опущенный переводчиком в финале романа рассказ о судьбе Сент-Джона Риверса: от трех абзацев оригинала в переводе остается одна фраза: «Мистер Сен-Джон Риверс уехал в Индию и сделался там отличным миссионером. Он не женат». Описание религиозного пути и скорой смерти персонажа Введенский выбрасывает. Но этот пример далеко не единственный. В споре с Хелен Бернс опущена ссылка на Новый Завет и на заповедь Христа возлюбить врагов своих (пример 7); в эпизоде, где Джейн ждет Рочестера, караулит укушенного Мейсона и, разумеется, страшно боится, при описании шифоньера выброшено изображение на нем библейских сцен (пример 8); наконец, когда Рочестер рассказывает Джейн, как он в отчаянии звал ее (и она его услышала), он начинает свой рассказ с пространного рассуждения о том, что он уверовал по-настоящему (пример 9).

Пример 7

«Jane Eyre»	Перевод Введенского
“You will change your mind, I hope, when you grow older: as yet you are but a little untaught girl.” <i>“But I feel this, Helen; I must dislike those who, whatever I do to please them, persist in disliking me; I must resist those who punish me unjustly. It is as natural as that I should love those who show me affection, or submit to punishment when I feel it is deserved.”</i> <i>“Heathens and savage tribes hold that doctrine, but Christians and civilised nations disown it.”</i> <i>“How? I don’t understand.”</i> <i>“It is not violence that best overcomes hate—nor vengeance that most certainly heals injury.”</i> <i>“What then?”</i> <i>“Read the New Testament, and observe what Christ says, and how He acts; make His word your rule, and His conduct your example.”</i> <i>“What does He say?”</i> <i>“Love your enemies; bless them that curse you; do good to them that hate you and despitefully use you.”</i> “Then I should love Mrs. Reed, which I cannot do; I should bless her son John, which is impossible.” [Brontë 2014]	— Надеюсь, со временем вы переменили ваш образ мыслей, и поймете, что мы обязаны любить даже врагов своих. — Как это? Неужели вы полагаете, что я буду любить мистрисс Рид, которая меня ненавидит, и сына ее Джона, который поступал со мною как с невольницей? [Белль 1849 (64): 220].

Пример 8

«Jane Eyre»	Перевод Введенского
I must see the light of the unsnuffed candle wane on my employment; the shadows darken on the wrought, antique tapestry round me, and grow black under the hangings of the vast old bed, and quiver strangely <i>over the doors of a great cabinet opposite—whose front, divided into twelve panels, bore, in grim design, the heads of the twelve apostles, each enclosed in its separate panel as in a frame; while above them at the top rose an ebon crucifix and a dying Christ.</i> <i>According as the shifting obscurity and flickering gleam hovered here or glanced there, it was now the bearded physician, Luke, that bent his brow; now St. John's long hair that waved; and anon the devilish face of Judas, that grew out of the panel, and seemed gathering life and threatening a revelation of the arch-traitor—of Satan himself—in his subordinate's form</i> [Brontë 2014].	Но вот я подняла глаза, и при тусклом свете нагоревшей свечи, первый раз разглядела на стенах живописные изображения причудливой старины: то была целая разбойничья драма с безобразными, зверскими лицами, жаждущими человеческой крови, и между ними — фигура сатаны, подстрекающего, со злобною усмешкою, этих подвижников разврата и нечестия... [Белль 1849 (65): 211].

Пример 9

«Jane Eyre»	Перевод Введенского
He pursued his own thoughts without heeding me. <i>“Jane! you think me, I daresay, an irreligious dog: but my heart swells with gratitude to the beneficent God of this earth just now. He sees not as man sees, but far clearer: judges not as man judges, but far more wisely. I did wrong: I would have sullied my innocent flower—breathed guilt on its purity: the Omnipotent snatched it from me. I, in my stiff-necked rebellion, almost cursed the dispensation: instead of bending to the decree, I defied it. Divine justice pursued its course; disasters came thick on me: I was forced to pass through the valley of the shadow of death. His chastisements are mighty; and one smote me which has humbled me for ever. You know I was proud of my strength: but what is it now, when I must give it over to foreign guidance, as a child does its weakness?</i>	Между тем он продолжал высказывать свои мысли, не обращая, по-видимому, ни малейшего внимания на мои слова. — Послушай, Дженни, мне надо теперь рассказать одно весьма-странное происшествие, которое случилось со мной... Да, так точно, я не ошибаюсь... случилось за четыре дня перед этим, вечером в прошлый понедельник [Белль 1849 (66): 324].

[Продолжение примера 9]

«Jane Eyre»	Перевод Введенского
<i>Of late, Jane—only—only of late—I began to see and acknowledge the hand of God in my doom. I began to experience remorse, repentance; the wish for reconcilment to my Maker. I began sometimes to pray: very brief prayers they were, but very sincere.</i> “Some days since: nay, I can number them—four; it was last Monday night, a singular mood came over me: one in which grief replaced frenzy—sorrow, sullenness [Brontë 2014].	

Встречаются и совсем странные, необъяснимые купюры: например, когда вместо царя Соломона в тексте появляется «древний мудрец» (пример 10) или когда вместо упоминания Святого Духа, излечившего Сент-Джона от гнева, вдруг речь идет об исключительной любезности персонажа (пример 11).

Пример 10

«Jane Eyre»	Перевод Введенского
Well has <i>Solomon</i> said — “Better is a dinner of herbs where love is, than a stalled ox and hatred therewith.” [Brontë 2014]	Хорошо сказал <i>древний мудрец</i>: «лучше обед из трав, приправленный любовью, чем откормленный вол и ненависть внутри дома» [Белль 1849 (64): 235].

Пример 11

«Jane Eyre»	Перевод Введенского
He addressed me precisely in his ordinary manner, or what had, of late, been his ordinary manner—one scrupulously polite. No doubt <i>he had invoked the help of the Holy Spirit to subdue the anger</i> I had roused in him, and now believed he had forgiven me once more [Brontë 2014].	Сен-Джон обращался ко мне с различными вопросами несколько раз, и был даже чрезвычайно-учтив и любезен. <i>Нет сомнения, что такая любезность стоила ему величайших трудов.</i> [Белль 1849 (66): 295].

Таким образом, религиозные мотивы уже в переводе XIX в. сведены к минимуму. Их отсутствие (или чрезвычайно урезанное присутствие) спрямляет нарратив романа, делая его в гораздо большей степени любовной историей (courtship novel), нежели оригинал, где англиканская этика — одна из основ становления героини, которая проделывает путь от протестующего ребенка (см. сцены знакомства с Брокльхерстом или спор с Хелен Бернс) к пусть не фанатичной, но религиозной женщине, четко представляющей границы между добром и злом. Внимание к религии было отличительной чертой сестер Бронте, скорее нехарактерной для ранневикторианской прозы: они критиковали священников не в социальном аспекте, как представителей определенного класса,

но видели в них обычных людей [Thormählen 1999: 183]. И, конечно же, минимизировав религиозную составляющую полемики и противостояния Джейн и Сент-Джона Риверса, как и убрав из перевода связанную с ним часть концовки романа, Введенский лишает читателя представления о чрезвычайно значимом персонаже. Сент-Джон противопоставлен: а) злобному повесе Джону Риду (они оба кузены главной героини, и здесь очевидна симметрия двух образов); б) Рочестеру как еще один претендент на руку героини, активно зовущий ее выйти за него замуж; в) Берте, сумасшедшей жене Рочестера, олицетворяющей хаос и безумие, тогда как Сент-Джон — воплощение рассудка; г) и, наконец, самой главной героине [Ibid.: 204–220]. Финал романа, последние абзацы которого посвящены пути Сент-Джона, можно, таким образом, рассматривать как альтернативу семейному счастью, и автор в полном соответствии с реалистической поэтикой не настаивает на единственно верном варианте [Beaty 1996: 210]. Урезанный образ Сент-Джона Риверса, как и купюры, связанные с религиозным материалом, существенно упрощает сюжетную структуру.

Предложенные исследователями объяснения подобных купюр — опасение европейского безверия, приписываемое Николаю I, которое якобы могло просочиться через упоминания христианских понятий и библейских персонажей в контексте зарубежного романа, или вольнодумные взгляды самого Введенского [Ланчиков 2019: 28–31] — не кажутся нам достаточными. Если кто и опасался упоминаний любой западной христианской конфессии, то скорее это были не светские, а духовные власти. Прямых цензурных запретов в этом отношении не обнаружено, но в дневнике А. В. Никитенко есть упоминания о подобных сюжетах:

Объяснялся с князем Волконским по поводу доноса духовенства, или вернее, ректора здешней духовной академии епископа Афанасия, на цензуру за пропуск в «Отечественных Записках» статей о реформации, извлеченных из сочинений Ранке. «...» Дело об этом уже пошло в синод. «...» Я говорил с нашим университетским законоучителем, [А. И.] Райковским, и спрашивал его, что находит он предосудительного в статьях о реформации? В ответ не получил ни слова путного, а в заключении услышал следующее: «в нашем собственном духовенстве много лиц, напитанных протестантскими идеями — поэтому надо преследовать реформацию».

— Но ведь это факт, — возразил я: — разве можно выкинуть его из истории? Да и что в нем общего с нашей церковью? Реформация была следствием злоупотреблений духовной власти на Западе: разве у нас было или может быть что-нибудь подобное? [Никитенко 1905: 355–356 (запись от 22 октября 1844 г.)].

Хотя логика цензора в процитированном фрагменте представляется нам политически и риторически безупречной, все же очевидно, что и в 1844 г., и тем более позже упоминание западного христианства, любой конфессии и в любом контексте было крайне нежелательно.

Однако нам кажется, что подобные переводческие купюры могут иметь не только цензурное объяснение, так как все-таки не вся религиозная тематика исключена из перевода Введенского. Прежде всего, как было показано выше, о религии волей переводчика меньше говорят и думают сама Джейн

и Хелен Бернс. На наш взгляд, стоит согласиться с гипотезой о том, что Введенский упрощает фигуру Джейн Эйр, делает ее более женственной и менее интеллектуально сложной [Сыскина 2012b: 179–180]; следовательно, и автору-женщине не годится писать о таких сложных вещах, как религиозные или философские вопросы.

Такое упрощение может иметь не только гендерное объяснение. По мнению М. А. Ануфриевой, Введенский сознательно отбирает для перевода произведения, перекликающиеся с магистральным направлением развития русской литературы и способные ее обогатить [Ануфриева 2009: 22–23]. Однако для русского «прогрессивного» реалистического романа религиозная проблематика неактуальна — и Введенский ее минимизирует. Он редактирует викторианский роман, приближая его к русскому реалистическому роману, в котором есть место критике «ужасной действительности» и даже своего рода «маленьким» людям, и отсекая лишнее, к которому относится и религия. В результате получается относительно реалистическая история Золушки, «женская» история, в которой преобладает действие, ибо рассуждения в ней сведены до минимума.

Таким образом, переводческая вольность Введенского коренится не столько в предложенном им самим гендерном объяснении, сколько в совокупности парадигм, сквозь призму которых рассматривался роман Бронте, — цензурной, т. е. внелитературной, и собственно литературной парадигмы реалистического романа. Если отвлечься от стилистики XIX в., доместикации и некоторых лексических ляпов, по сути, перевод Введенского принципиально отличается от перевода Станевич: в последнем смысловые купюры тоже обусловлены цензурно-идеологическими соображениями. Перевод Введенского в 1849 г. задал рамку восприятия романа Бронте, от которого остались сюжет, действие, внимание к рассказываемой истории и уникальная (хотя и во многом типичная) героиня, самостоятельная женщина. Не меняя фабулы, переводчик меняет акценты: философско-религиозная, антиидеологическая проблематика романа уходит на второй план или вовсе нивелируется и остается умеренно реалистический семейный роман с матримониальным сюжетом (*marriage plot*) и счастливой развязкой. Это упрощенный роман Ш. Бронте; но даже в таком сокращенном варианте он производит впечатление на читательскую аудиторию как в XIX, так и в XX в.

Источники

- Белль 1849 — [Белль К.] Джени Эйр // Отечественные записки. Т. 64. № 6. 1849. С. 175–250; Т. 65. № 7. 1849. С. 67–158, 179–262; Т. 66. № 8. 1849. С. 65–132, 193–330. (Паг. отдельная).
- Введенский 1851 — О переводах романа Тэккерея «Vanity Fair» в «Отечественных Записках» и «Современнике» (Письмо к редактору И. И. Введенского, с примечанием от редакции) // Отечественные записки. Т. 78. № 9. 1851. С. 61–80. (Паг. отдельная).
- Никитенко 1905 — Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был»: записки и дневник (1804–1877 гг.) / Под ред., с примеч. [и предисл.] М. К. Лемке: В 2 т. Т. 1: [Записки. 1804–1824 гг.; Дневник. 1826–1860 гг.]. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Типо-лит. «Герольд», 1905.
- Brontë 2014 — Brontë Ch. Jane Eyre / Ed. by J. Kriegel. San Francisco: Ignatius Press, 2014. <https://ignatius.com/jane-eyre-digital-7jee>.

Литература

- Алексеев 1962 — Алексеев М. П. Встреча Диккенса с И. И. Введенским // Чарльз Диккенс: библиография русских переводов и критической литературы на русском языке. 1838–1960 / [Сост. Ю. В. Фридлендер, И. М. Катарский]. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1962. С. 239–247.
- Ануфриева 2009 — Ануфриева М. А. Переводческая деятельность И. И. Введенского как отражение жанрово-стилевого развития русской прозы 1840–1860-х гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Томский гос. ун-т. Томск, 2009.
- Кашкин 1936 — Кашкин И. Мистер Пиквик и другие (Диккенс в издании «Academia») // Литературный критик. 1936. № 5. С. 212–228.
- Костионова 2015 — Костионова М. В. Литературная репутация писателя в России: перевод как отражение и фактор формирования (русские переводы романа Ч. Диккенса «Записки Пиквикского клуба»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2015.
- Ланн 1939 — Ланн Е. Стиль раннего Диккенса и перевод «Посмертных записок Пиквикского клуба» // Литературный критик. 1939. № 1. С. 156–171.
- Ланчиков, Мешалкина 2019 — Ланчиков В. К., Мешалкина Е. Н. Дженни против Джейн. О романе Ш. Бронте «Jane Eyre» в переводе И. И. Введенского // Мосты: Журнал переводчиков. 2019. № 1(61). С. 19–32.
- Левин 1982 — Левин Ю. Д. Иринарх Введенский и его переводческая деятельность // Эпоха реализма: из истории международных связей русской литературы / Отв. ред. М. П. Алексеев. Л.: Наука, 1982. С. 68–136.
- Сыскина 2012a — Сыскина А. А. Переводы XIX века романа «Джен Эйр» Шарлотты Бронте: передача характера и взглядов героини в переводе 1849 года Иринарха Введенского // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 3 (118). С. 177–182.
- Сыскина 2012b — Сыскина А. А. Трансформация форм реализма в переводе романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» И. И. Введенского (1849 г.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 6 (17). С. 175–180.
- Ямалова 2012 — Ямалова Ю. В. История переводов романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр» в России // Вестник Томского государственного университета. № 363. 2012. С. 38–41.
- Beaty 1996 — Beaty J. Misreading “Jane Eyre”: A Postformalist paradigm. Columbus: Ohio State Univ. Press, 1996. (The Theory and Interpretation of Narrative Series).
- Thormählen 1999 — Thormählen M. The Brontës and religion. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999.

References

- Alekseev, M. P. (1962). Vstrecha Dikkensa s I. I. Vvedenskim [Dickens' meeting with Vvedensky]. In Iu. V. Fridlender, & I. M. Katarskii (Eds.). *Charl'z Dikkens: bibliografiia russkikh perevodov i kriticheskoi literatury na russkom iazyke 1838–1960* (pp. 239–247). Izdatel'stvo Vsesoiuznoi knizhnoi palaty. (In Russian).
- Anufrieva, M. A. (2009). *Perevodcheskaia deiatel'nost' I. I. Vvedenskogo kak otrazhenie zhanrovo-stilevogo razvitiia russkoi prozy 1840–1860-kh gg.* [I. I. Vvedensky's translation activity as a reflection of the genre-style development of Russian prose in the 1840s–1860s] (Abstract of Cand. Sci. (Philology) Thesis, Tomsk State University). (In Russian).
- Beaty, J. (1996). *Misreading “Jane Eyre”: A Postformalist paradigm*. Ohio State Univ. Press.
- Iamalova, Iu. V. (2012). Istoriia perevodov romana Sharlotty Bronte “Dzhein Eir” v Rossii [The history of translations of Charlotte Bronte's novel *Jane Eyre* in Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 363, 38–41. (In Russian).

- Kashkin, I. (1936). Mister Pikvik i drugie (Dickens v izdanii "Academia") [Mr. Pickwick and others (Dickens published in "Academia")]. *Literaturnyi kritik*, 1936(5), 212–228. (In Russian).
- Kostionova, M. V. (2015). *Literaturnaia reputatsiia pisatel'ia v Rossii: perevod kak otrazhenie i faktor formirovaniia (russkie perevody romana Ch. Dikensa "Zapiski Pikvikskogo kluba")* [Literary reputation of a writer in Russia: translation as its reflection and factor of formation (Russian translations of the novel by Charles Dickens's *The Pickwick Papers*)] (Abstract of Cand. Sci. (Philology) Thesis, Lomonosov Moscow State University). (In Russian).
- Lanchikov, V. K., & Meshalkina, E. N. (2019). Dzhenni protiv Dzhein. O romane Sh. Bronte "Jane Eyre" v perevode I. I. Vvedenskogo [Jenny versus Jane: On Ch. Brontë's novel *Jane Eyre* translated by I. I. Vvedensky]. *Mosty: Zhurnal perevodchikov*, 2019(1(61)), 19–32. (In Russian).
- Lann, E. (1939). Stil' rannego Dikensa i perevod "Posmertnykh zapisok Pikvikskogo kluba" [Early Dickens's style and the translation of *The Pickwick Papers*]. *Literaturnyi kritik*, 1939(1), 156–171. (In Russian).
- Levin, Iu. D. (1982). Irinarkh Vvedenskii i ego perevodcheskaia deiatel'nost' [Irinarch Vvedensky and his translation activity]. In M. P. Alekseev (Ed.). *Epokha realizma: iz istorii mezh-dunarodnykh svyazei russkoi literatury* (pp. 68–136). Nauka. (In Russian).
- Syskina, A. A. (2012a). Perevody XIX veka romana "Dzhen Eir" Sharlotty Brontë: peredacha kharaktera i vzgliadov geroini v perevode 1849 goda Irinarkha Vvedenskogo [19th century translations of Charlotte Brontë's *Jane Eyre*: Transmission of the heroine's character and views in the 1849 translation by Irinarch Vvedensky]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2012(3(118)), 177–182. (In Russian).
- Syskina, A. A. (2012b). Transformatsiia form realizma v perevode romana Sh. Bronte "Dzhein Eir" I. I. Vvedenskogo (1849 g.) [Transformation of forms of realism in I. I. Vvedensky's translation of Charlotte Brontë's novel *Jane Eyre* (1849)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2012(6(17)), 175–180. (In Russian).
- Thormählen, M. (1999). *The Brontës and religion*. Cambridge Univ. Press.

* * *

Информация об авторе

Екатерина Ильинична Самородническая

кандидат филологических наук
доцент, кафедра истории и теории
литературы, старший научный
сотрудник, Лаборатория историко-
литературных исследований, Школа
актуальных гуманитарных исследований,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел: +7 (499) 956-96-47
✉ samorodnitskaya-ei@ranepa.ru

Information about the author

Ekaterina I. Samorodnitskaya

Cand. Sci. (Philology)
Associate Professor, Department of Literary
History and Theory, Senior Researcher,
Center for Historical and Literary
Studies, School for Advanced Studies
in the Humanities, The Russian Presidential
Academy of National Economy and Public
Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
✉ samorodnitskaya-ei@ranepa.ru